Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 6, pp. 1210–1225, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.037

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1210-1225

Погребения с изделиями из шелка эпохи Золотой Орды: проблемы интерпретации

Мария Александровна Очир-Горяева¹, Евгений Гаврилович Буратаев²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник

0000-0003-4496-1666. E-mail: burataev1981@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Очир-Горяева М. А., Буратаев Е. Г., 2021

Аннотация. *Введение.* Эпоха Золотой Орды в восточноевропейских степях ознаменовалась появлением городской культуры. В городских центрах и, прежде всего, в столице Золотой Орды в нижнем течении р. Волги проживали правящая верхушка государства и многонациональное торгово-ремесленное население. Вокруг золотоордынских городов раскопаны и изучены крупные городские кладбища, насчитывающие сотни погребений. В степях же, непосредственно прилегающих к побережью р. Волги, эпоха Золотой Орды представлена немногочисленными погребениями, разбросанными по различным курганным группам. *Цель статьи* — рассмотреть погребения золотоордынской эпохи с изделиями из шелка, исследованные в волго-манычских степях в свете изучения памятников кочевой знати. *Материалы и методы.* Инвентарь большинства золотоордынских погребений волго-манычских степей представлен вооружением, керамикой, останками заупокойной пищи в виде костей животных. Предметы роскоши являются редкими находками. В этом отношении обращает на себя внимание серия погребений эпохи Золотой Орды с изделиями из шелка. Благодаря многочисленным сведениям письменных источников известно, что шелк в средневековье ценился наравне с золотом. Для кочевников волго-манычских степей ношение изделий из шелка свидетельствовало не только о высоком социальном статусе и богатстве персоны, но и указывало на принадлежность его к подданным монгольской империи. *Результаты.* В рассмотренных погребениях шелковые изделия относились исключительно к одежде и головным уборам погребенных. Шелк происходил как из восточных (Китай, Египет), так и западных (Византия) центров производства. Остатки шелковых изделий найдены как в погребениях мужчин, так и женщин. Среди погребений с из-

делями из шелка представлены широтно-ориентированные могилы, в которых погребенные были положены головой на запад, и меридионально-ориентированные могилы, с расположением погребенного головой на север. Последний тип ориентации рассматривается исследователями как черта погребального обряда этнических монголов, в то время как широтно-ориентированные могилы считаются принадлежащими половцам и другим тюркоязычным группам. **Ключевые слова:** восточноевропейские степи, эпоха Золотой Орды, погребения, курганы, шелковая одежда

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Очир-Горяева М. А., Буратаев Е. Г. Погребения с изделиями из шелка эпохи Золотой Орды: проблемы интерпретации // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1210–1225. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1210-1225

Golden Horde Burials with Silk Items: Problems of Interpretation

Maria A. Ochir-Goryaeva¹, Evgeny G. Burataev²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Research Associate
0000-0003-4496-1666. E-mail: burataev1981@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Ochir-Goryaeva M. A., Burataev E. G., 2021

Abstract. Introduction. The Golden Horde epoch in the East European steppe was marked, among other things, by the emergence of urban culture in the region. The urban centers and, first of all, the Golden Horde capital in the Lower Volga were the seats of the ruling elite, but also the centers of trade and crafts people coming from all over the places. Around the towns, there were cemeteries with hundreds of burials that were opened and examined by specialists. In the steppe, near the bank of the river, the Golden Horde epoch is represented by a limited number of burials scattered among a variety of kurgan groups. The article *aims* to examine Golden Horde burials which comprise silk items; these Volga-Manych sites have previously been part of the studies of steppe elite burials. *Materials and methods.* The grave goods of most sites in question comprised weaponry, ceramics, and animal bones, the traces of funeral feasts, while luxury items were few. Of much interest in this respect are a Volga-Manych series of Golden Horde burials that comprised silk items. According to numerous data of the written sources, silk was equaled to gold in the medieval time. The fact that the Volga-Manych nomads had clothes made of silk was not only the evidence of their high social status and wealth but also a mark that they were the subjects of the Mongolian Empire. *Results.* In the burials under study, the silk finds were exclusively the clothing and headdress items of the buried. The fabric originated from the eastern (China, Egypt) and western (Byzantium) production centers. Remains of silk products were found both in the burials of men and women. These were both latitudinal-oriented graves, in which the buried were laid with their heads to the west, and meridionally-oriented graves, with the person's head to the north. According to the present authors, the latter type may be interpreted as a feature characteristic of ethnic Mongolians' funeral practice, while the former type graves were those of the Polovtsy and other Turkic-speaking groups.

Keywords: Eastern European steppes, the epoch of the Golden Horde, burials, kurgans, silk clothing
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490038-5 'Sociopolitical and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes'.

For citation: Ochir-Goryaeva M. A., Burataev E. G. Golden Horde Burials with Silk Items: Problems of Interpretation. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1210–1225. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1210-1225

Введение

Эпоха Золотой Орды в Нижнем Поволжье ознаменовалась крупными политическими и социально-экономическими изменениями. По воле монгольских ханов и силами пленных ремесленников возникли и процветали на берегах р. Волги первые в этом регионе города: столицей Золотой Орды был г. Сарай ал-Махруса (или Сарай-Бату) рядом с современным с. Селитренное на левом берегу р. Ахтубы в Астраханской области; Сарай ал-Джедид или Сарай-Берке (Царевское городище), также на левом берегу р. Ахтубы, на юге Волгоградской области. Известен еще целый ряд городов — Бельджамен (у с. Дубовка), Увек (у г. Саратова), Хаджи-Тархан (у г. Астрахани) [Федоров-Давыдов 1994; Блохин, Яворская 2006].

В это же время степное население Золотой Орды вело свое традиционное кочевое скотоводческое хозяйство и привычный бытовой уклад [Санджиев 1960: 85–114].

Как полагают исследователи, основу кочевого населения в степи продолжали составлять половецкие племенные объединения, попавшие под власть золотоордынских ханов [Федоров-Давыдов 1966; Мысков 2015].

Особенностью волго-манычских степей является то, что большинство раскопанных погребений по культурно-хронологической принадлежности датируется эпохой бронзы. Погребения эпохи бронзы составляют 64,6 % от общего числа всех раскопанных погребений с 1929 по 1998 гг.

Второе место по численности занимают погребения эпохи раннего железного века или скифо-сарматской эпохи, представленные 20,2 % от общего числа. Памятники средневековья, датирующиеся с эпохи великого переселения народов до эпохи Золотой орды, составляют всего 8,5 % от общего числа [Очир-Горяева 2008: табл. 1]. Получается, что количество памятников в эпоху средневековья в 2,3 раза меньше по сравнению с количеством памятников скифо-сарматского времени, и в 13 раз — по сравнению с памятниками эпохи бронзы. Всего с 1929 г. по 2009 г. на территории Калмыкии были

раскопаны 390 средневековых погребений, из которых 124 погребения датируются эпохой Золотой Орды [Очир-Горяева 2008: табл. 1; Бембеева, Очир-Горяева 2021: 8–53, табл. 1; Буратаев 2021: 82–106].

Такое скромное количество погребений требует объяснения. Тем более, что в эпоху развитого средневековья в XI–XIV вв. наступил климатический оптимум с годовой нормой осадков 300–350 мм и преобладанием сухостепных ландшафтов [Якимов и др. 2007: 194–204]. Строительство и процветание городов Золотой Орды на берегах р. Волги было не в последнюю очередь обусловлено исключительно благоприятными климатическими условиями.

Возможно, что прирост городского населения в эпоху Золотой Орды проходил не без участия кочевого населения из степей, непосредственно прилегавших к городским центрам. В отличие от курганов эпохи бронзы или поздних сарматов, курганы кочевников эпохи Золотой Орды редко образуют свои собственные курганные группы [Кольцов, Кольцова, Верещагин 2018: 73–88].

В подавляющем большинстве они расположены по нескольку, чаще по два кургана, среди более древних групп курганов. Эта особенность известна и на материалах степных долин Центральной Азии и Монголии. Похоже погребальная обрядность кочевников того времени не предполагала сооружения своих отдельных некрополей [Серегин 2016: 91–110].

Возможно, малочисленность позднесредневековых погребений в целом, их разбросанность единицами по курганным группам были связаны с тем, что курганный обряд постепенно отходил и совершался только для избранных лиц. Для других, возможно, обходились обычным могильным холмиком. Это предположение подкрепляется тем фактом, что курганы избранных средневековых кочевников отличаются скромными размерами, особенно на фоне курганов бронзового века.

Хотя бурные события появления и расцвета государства Золотая Орда как будто не нашли прямого отражения в курганных

погребениях кочевников степей между рр. Волгой и Доном, но по отдельным археологическим находкам можно предполагать, что кочевая знать в глубинных районах степей все же «приобщалась» к предметам импорта из далеких культурных центров, что значительно обогатило культуру кочевого населения Золотой Орды.

В подавляющем большинстве инвентаря погребений золотоордынских кочевников представлен предметами вооружения, керамикой, останками заупокойной пищи в виде костей животных. Предметы роскоши являются редкими находками. В этом отношении обращает на себя внимание серия погребений эпохи Золотой Орды, в которых обнаружены остатки изделий из шелка. Благодаря многочисленным сведениям письменных источников известно, что шелковые одежды ценились наравне с золотом. Шелка, затканые золотом, приобрели особое значение среди монголов в период правления их китайской династии Юань (1271–1368 гг.). Ношение шелковых одежд свидетельствовало не только о материальных возможностях персоны, но было статусным символом принадлежности к высшему социальному слою. Как известно, золото связывали с золотым родом Чингисхана и причастностью к нему [Юрченко 2013: 148–168].

Погребения с шелком и их интерпретация

В рассматриваемую серию погребений включены погребения с остатками шелковой одежды, сохранность которых позволила определить качество и рисунок ткани. Все рассматриваемые погребения были единственными и основными в кургане. Насыпи всех золотоордынских курганов были небольшими, и в этом плане погребения с шелком не выделялись среди остальных.

В кургане 7 курганный группы *Промзона* был погребен мужчина в узкой и глубокой могильной яме, заложеной рваными камнями песчаника. Насыпь кургана достигала 0,90 м, диаметр — 16 м. Пятно могильной ямы имело подпрямоугольную форму. Западный конец несколько шире восточного. Длинными сторонами пятно было ориентировано по линии СЗЗ–ВВЮ. Стенки ямы были почти отвесные с небольшим сужением книзу. Погребенный был располо-

жен на спине вытянуто, головой на запад. Берестяной колчан с крупными монгольского типа наконечниками стрел, форма стрелян с полукруглой дужкой позволяют датировать погребение эпохой Золотой Орды XIII–XIV вв. [Очир-Горяева 2017: 203–205, илл. 4–22]. Вокруг скелета, особенно с правой стороны, прослеживался тлен темного цвета от кожи (?). На коленный сустав правой ноги и частично на голени был положен берестяной колчан длиной 69 см. Перед устьем колчана найдены фрагменты железных черешковых наконечников стрел в очень коррозированном состоянии. Форма лопастей не восстанавливается. Рядом с наконечниками стрел найдены маленькие бронзовые заклепки с железным стержнем посередине. Вдоль правой бедренной кости и частично под колчаном зафиксированы куски шелка со сложным растительным орнаментом из золотых нитей. Вероятно, остатки полы халата (рис. 1).

Около правой кисти лежали фрагменты железного ножа. Такой же нож из двух фрагментов был найден с северной стороны колчана на правой голени. Там же рядом, на левой голени, найдена кость ноги овцы, положенной в качестве заупокойной пищи. Вдоль северной стенки могильной ямы напротив плечевых костей, напротив бедренной, вдоль левой голени и частично на ней, а также вдоль торцевой восточной стены ямы зафиксированы деревянные плашки от перекрытия. При снятии костей скелета под поясницей найдены фрагменты железного предмета в виде длинного ножа с бронзовой втулкой.

Сохранившиеся фрагменты одежды погребенного были определены как китайский шелк с золотой нитью и орнаментом в виде цветов лотоса — признак высокого социального статуса [Юрченко 2013: 109].

В соседнем кургане 4, в женском погребении, несмотря на его разрушение, сохранилось зеркало со сложным растительным орнаментом, который известен как изображение ветвей мифологического дерева Ваквак, датирующееся первой половиной XIV в. [Юрченко 2013: 274, рис. 70]. Судя по находкам предметов престижа — шелкового халата и китайского зеркала, в средневековых курганах группы *Промзона* были погребены представители местной знати.

Рис. 1. Группа Промзона: курган 7, погребение 1 [Очир-Горяева 2017: рис. 4–22]
[Fig 1. Industrial area (Promzona): mound 7, burial 1]

В курганный группе *Ики-Зегиста* в кургане 3 на дне могильной ямы, на глубине –2,30 м от «0» (–1,90 м от уровня погребенной почвы) лежал скелет молодой женщины вытянуто на спине, головой на восток с небольшим отклонением на север. Насыпь кургана была небольшой, высота насыпи — 0,44 м, диаметр — 14 м [Гаврилина, Надбитова 2006: 173–194].

Погребенная, видимо, была положена в решетчатый гроб: сохранилось несколько тонких поперечных плах. Под скелетом также прослеживались остатки дерева. Под правым коленным суставом были обнаружены железные ножницы, под седлом — железное стремя, два железных кольца и железная пряжка, а также множество мелких железных деталей, украшений и креплений седла. За головой погребенной, у восточной стенки ямы была положена заупокойная пища в виде костей овцы: часть позвоночника и ребра.

На черепе погребенной сохранились остатки шапочки из парчи. Лента из парчи обхватывала лоб. Парчовая лента шириной 1,2 см проходила по лбу и составляла основу шапочки. На ней, видимо, крепилась сама шапочка. На затылке ткань опускалась ниже ленты, прикрывая затылок, а возмож-

но, и часть спины. К сожалению, сохранность головного убора была очень плохой и не позволяла сделать его реконструкцию.

Довольно крупные фрагменты халата из парчи и шелковой внутренней одежды типа рубашки сохранились на костях рук и таза (рис. 2). В районе колен были прослежены остатки халата с округлыми полами, отороченными орнаментированной тканью с золотыми нитями. Под фрагментами ткани от халата на костях ног сохранились куски кожи от сапог, по которым восстанавливается форма голенища: высокого, фигурного, в виде арочки поднимавшейся в центре колена. После снятия скелета под ним были прослежены многочисленные фрагменты ткани и остатки деревянного гроба в виде досок, положенных волокнами вдоль костяка.

Фрагменты шелка были определены известным специалистом Е. В. Елкиной [Елкина 2009]. Внутренняя одежда типа рубашки была сшита из узорного шелка византийского происхождения¹. Узор в виде

¹ Шелковые ткани представляли ценность также в гигиеническом отношении, в них не водятся насекомые (платяные вши), приносящие своим владельцам страдания и дискомфорт во все эпохи вплоть до исторического времени [Додо 2006: 164–165].

Рис. 2. Группа *Ики-Зегиста*: курган 3. Реконструкция. Византийский шелк [Елкина 2009]
[Fig 2. Iki-Zegista: mound 3. Reconstruction. Byzantine silk]

орнаментального кольца диаметром 25 см с изображением внутри них пары птиц у «дерева жизни». Птицы украшены ожерельями на шеях и полосками с пятнышками-перлами на крыльях и хвостах.

По мнению А. В. Елкиной, орнамент с парными птицами и «деревом жизни» в кольцо с орнаментом «побежкой» является хрестоматийно византийским для XII в. [Елкина 2009].

Цветок в узоре «побежка» и орнаменты между кольцами и на крыльях птиц также типичны для византийских тканей. На шелке сохранилась краевая полоска в виде оранжевой полосы с чередованием желтых кружков в 1,5 см в диаметре и одного цветка с восемью лепестками. На гладких кружках прослеживаются изображения, похожие на буквы, вероятно, греческие, которые повторяются два или три раза на разных кружках.

Халат погребенной был изготовлен из китайской парчи, датирующейся, по определению Е. В. Елкиной, XIV в. Композиция узора состоит из кругов диаметром 20 см, сближенных по горизонтали до 2 см друг к другу. Между кругами располагается стилизованный растительный узор с центром в виде цветка хризантемы. Плотный орнамент между кругами выткан золотом на красном фоне. Круги заполнены тонким графиче-

ским рисунком четырех орлиных грифонов вокруг центральной розетки. Грифоны изображены с орлиным клювом, крыльями, львиным крупом и хвостом (рис. 2).

Подкладкой халата служила ткань в мелкую клеточку. Сохранились лишь густо-красные фрагменты сетчатого шелка от этой подкладки. Пустые отверстия вместо ныне исчезнувшей, по-видимому, целлюлозной части ткани свидетельствуют о бывших здесь нитях льна или хлопка.

По краю сохранившейся парчи с кромкой халат понизу был украшен многоцветной тканью из шелка в технике «кэсы». Судя по степени выцветания красок с разных сторон фрагментов кэсы — это было вторичное использование драгоценной ткани [Елкина 2009].

В соседнем кургане 2 той же группы *Ики-Зегиста* было обнаружено погребение мужчины, в кожаном кошельке которого обнаружен дирхем, чеканенный в Сарае при хане Узбеке в 731 г. х. (1330–1331 гг.) (определение монеты было проведено в отделе нумизматики Государственного исторического музея).

Судя по находкам предметов престижа: шелкового халата (рис. 3) и серебряной монеты дирхема в курганах группы *Ики-Зегиста* были также погребены представители местной знати.

Рис. 3. Группа Ики-Зегиста: курган 3. Реконструкция. Китайский шелк [Доде 2014: 54–66]
[Fig 3. Iki-Zegista: mound 3. Reconstruction. Chinese silk]

Еще одно погребение с изделием из шелка происходит из кургана 8 курганной группы *Гува-2*, раскопанной в 1978 г. Курган 8 группы *Гува-2* также имел одно единственное погребение. Курган был расположен на северо-восточном берегу небольшого лимана, насыпь кургана правильной, полусферической формы, диаметром 11 м, высотой около 0,30 м. На дне могильной ямы, на глубине 2,45 м от уровня 0 и в 2,15 м от уровня погребенной почвы, был обнаружен скелет мужчины монголоидного типа, лежащего вытянуто на спине с вытянутыми руками и ногами. Ориентирован погребенный был по длине ямы, головой на север.

Ориентировка головой на север и антропологический тип погребенного дают веское основание полагать, что погребенный был этническим монголом [Федоров-Давыдов 1981: 229–236].

При погребенном был найден следующий инвентарь. Между левой плечевой костью и восточной стенкой ямы лежала заупокойная пища — кости овцы (кость ноги и лопатка). В 17 см на восток от вершины левой плечевой кости находился железный стержень, лежавший горизонтально по линии В–З. Предназначение предмета автором раскопок разъяснено не было, равно как и размеров всех найденных предметов.

Между левой плечевой костью и ребрами находился фрагмент железного предмета, вероятно, кончика лезвия ножа или наконечника стрелы. Справа от середины правой плечевой кости, в 7 см на запад лежал железный черешковый наконечник стрелы ромбического типа. У основания левого предплечья в 5 см на восток лежал плоский ромбический черешковый наконечник стрелы с боковыми выступами. Между левым локтем и восточной стенкой выше дна могилы на 17 см лежали деревянные фрагменты перекрытия либо седла. Фрагменты дерева отмечены также у правой скулы, на тазе, с волокнами, ориентированными вдоль костяка. У основания левых ребер лежала железная пряжка кольчатого типа, видимо, от пояса. Вплотную с наружной стороны середины левых берцовых костей лежал фрагмент железной стрелы черешкового типа.

В выкиде могильной ямы обнаружен фрагмент кольчатых удил, местонахождение точно не зафиксировано. Под поясничными позвонками человека, обнаружены

сочлененные позвонки барана. В полевом отчете за 1978 г., к сожалению, не указано количество и тип позвонков, но на хранении в Национальном музее Республики Калмыкия числится только один позвонок.

В 13 см на восток параллельно левой ноге на ступеньке, проходящей вдоль стены могильной ямы, лежал берестяной колчан с инкрустированными костяными обкладками [Цуцкин 1979: рис. 184]. Резьба на костяных обкладках колчана сочетает в себе геометрический и растительный орнамент. Такой же колчан с костяными обкладками, украшенный искусной художественной резьбой, был обнаружен в соседнем кургане этой же группы [Цуцкин 1979: рис. 184].

Фрагменты ткани обнаружены: под правым локтем, на тазе, под левой бедренной, под берцовыми костями и у стоп (рис. 4). Большой кусок ткани с позолотой обнаружен при снятии правой лопатки и под верхними позвонками. В полевом отчете автор раскопок, однако, не дает никакого описания найденных фрагментов ткани, не представлены они и в альбоме фотографий. В коллекции Национального музея хранятся мелкие фрагменты ткани на деревянных плашках. Сохранность фрагментов не позволяет разглядеть ни узора, ни цвета ткани.

Фрагменты шелка с полихромной вышивкой из серебряных с позолотой и шелковых цветных нитей были найдены на костях ног погребенного. Они были собраны из мелких кусочков разной конфигурации, вырезанных из шелковой ткани с вышивкой, и небольших кусочков другой шелковой ткани красного цвета с черным орнаментом в виде ромбов. Нижние края изделий были обшиты зеленой тканью и поверх вышиты двумя параллельными рядами обметочного шва поверх кожаной ленты. Погребение датируется автором публикации по колчану с костяными резными накладками XIII–XIV вв. [Доде 2014: 54–66].

Как установлено З. В. Доде, эти изделия были украшением штанин на уровне колен или же чехлами сапог [Доде 2014: 54–66].

На наш взгляд, фигурная форма этих шелковых изделий с центральной частью в виде арки явно схожа с фигурным оформлением верхнего края голенищ сапог из кургана 3 группы *Ики-Зегиста* (см. выше). Поэтому вполне возможно, что мы имеем дело с декоративно оформленными отворо-

Рис. 4. Гува-1: курган 8, погребение 1 [Елкина 2009]

[Fig 4. Guva-1: mound 8, burial 1]

тами голенищ или крагами сапог. Они совпадают по расположению с украшением сапог аржанского царя из тонкой гладкой золотой пластинки с декоративно оформленным завитком по центру. Они оформляли верхний край голенища мягких войлочных сапог [Cugunov, Parzinger, Nagler 2010: Abb. 50, 225].

Похожие декоративные детали имеются на обуви некоторых половецких каменных изваяний-бабаев. Г. А. Федоров-Давыдов называл эту обувь «кожаными чулками» [Федоров-Давыдов 1966: 177]. Таким образом, декоративные детали из гувинского погребения скорее всего имели отношение к обуви и украшали отвороты или краги кожаных сапог.

Особенность украшения голенища сапог из кургана 8 могильника Гува состоит в том, что мелкие кусочки шелковой ткани с вышивкой были фрагментами христианского литургического сюжета «Вознесение Господне» [Петров 2014: 67–74].

Вышивка по содержанию сюжета датируется в пределах XII – первой трети XIII вв., в то время как ткань могла быть фабрикатом VII–X вв. [Доде 2014: 57].

В опубликованной статье исследовательница представила хорошо обоснованную схему реконструкции фрагмента вышивки и датировку самой ткани, которая соответствует периоду конца VII – конца X вв. По заключению автора (согласно данным радиоуглеродного анализа), ткань была создана до прихода монголов в Европу и впоследствии захвачена ими во время продвижения на Запад. Опираясь на ряд источников, автор связывает находку с актом десакрализации монголом чужих сакральных символов [Доде 2014: 54–66].

Тезис о намеренной десакрализации и намеренном унижении христианской религии представляется слишком преувеличенным. Если учитывать, что монгол, проживавший в степной глубинке, в местечке Гува, скорее всего, никогда не посещал христианские церкви, тем более с такими древними шелковыми убранствами, то он, конечно, не имел представления о святых Луке и Варфоломее. Этой вышивке на момент, как она попала в его руки и в руки женщин-мастериц, что скроили и вышили рассматриваемое нами изделие, было без малого лет триста. Состояние ткани на тот

момент нам не известно. К тому же кочевые умелицы расценивали эти фрагменты ткани как яркую разноцветную вещь, которую можно подремонтировать и использовать для рукоделия¹. И постарались приложить все свои усилия, чтобы качественно выполнить свою работу. Интересен факт, что фигуры апостолов были разрезаны поперек туловища, но подшиты, возможно, случайно в правильной позиции. Например, другая такая же вышивка из аула Коротох из Чечни была нашита на головной убор типа колпака так, что лик Христа оказался перевернутым. З. В. Доде приводит этот пример в той же статье [Доде 2014: 54–66]. Это свидетельствует о том, что мастерицы, украшавшие колпак, осознавали вышивку только как цветной орнамент².

Можно рассуждать и о том, что вышивка в первоначальном ее состоянии, выработав свой ресурс на неизвестном нам поприще, использовалась вторично как красивый кусок материи. Изделия из *Гувы* представляли собой мелкие лоскутки разной конфигурации, сшитые вместе.

Наглядным примером такого же чисто утилитарного использования, а не преднамеренного «унижения» кельтов, является серебряный назатыльник кельтского шлема из юго-восточной Европы, использовавшийся сарматом из погребения у с. Яшкуль в качестве нагрудного украшения коня [Очир-Горяева, Лапа 2002: 179–191; Ochir-Goryaeva 2002: 353–387].

Более того, вторичное использование инокультурных ценных вещей, представляющих художественную ценность, с вольным или невольным игнорированием их первоначального назначения, практиковалось повсеместно и в различные исторические эпохи. В высших кругах Российской империи также не считали зазорным перешивать использованные одежды богатых

граждан в литургические наряды высшего православного духовенства. В 2017 г. на выставке «Эрмитажная энциклопедия текстиля» были выставлены одеяния священников с масонской символикой (лучезарной дельтой), с китайским императорским драконом и орнаментами родом из мусульманских стран. Светлое церковное одеяние было перешито из свадебного платья Александры Федоровны, жены Николая I [Эрмитажная энциклопедия 2017]. Объяснялось это очень просто. Обладать китайскими, персидскими тканями могла только высшая знать. Когда кто-то умирал, то его вещи по традиции передавались в дар церкви. Там они распарывались и перешивались в облачения. Как следует из интервью куратора выставки Т. Лехович, чужеродные орнаменты в ином культурном контексте теряли свою первоначальную семантику, становясь просто красивым узором [Авраменко 2017: 2].

Если уж высокообразованное привилегированное православное духовенство прибегало ко вторичному использованию шелковых одежд грешных светских мирян, независимо от семантики их узоров, то для варваров, степняков-язычников эпохи позднего средневековья, это тем более допустимо.

В курганный группе *Большой Царын-1а* в кургане 2 было обнаружено захоронение взрослого мужчины. Насыпь кургана была небольшой, высота — 0,70 м, диаметр — 18 м. Могильная яма с подбоем вдоль западной стенки была ориентирована меридионально. Дно входной ямы находилось в 2,17 м от поверхности кургана и в 1,47 м от уровня погребенной почвы. С восточной стороны находился подбой, дно которого было на 0,28 м ниже дна входной ямы. Ширина подбоя — около 0,70 м. Подбой был отделен от входной ямы плашками. Отмечены следы вертикально расположенных трех плашек в южной части. На дне подбоя находился скелет взрослого мужчины, положенного на спине вытянуто, головой на север с небольшим отклонением к востоку. Погребальный инвентарь насчитывает 25 наименований. Среди них берестяной колчан с железными черешковыми наконечниками стрел, предметы конского снаряжения, остатки одежды. Под тазовыми костями погребенного были обнаружены три позвонка овцы. Во входной яме была обна-

¹ Также в советское время, многие из нас с гордостью ходили с яркими импортными пакетами, не подозревая, что они из сети дешевых супермаркетов.

² Из общения со старшим поколением калмыков, не умевших читать, замечено, что они на сложных рисунках не распознают изображения людей и животных, поскольку не выработаны навыки подобного восприятия. Речь идет о людях XX в., можно представить, каким было восприятие безграмотных людей в средние века.

ружена вертикально поставленная трубчатая кость овцы. По погребальному инвентарю погребение датируется XIII–XIV вв.

Вокруг черепа погребенного на некотором расстоянии была повязка из широкой полосы черного шелка¹ с вышитыми на ней арабскими буквами [Цуцкин 1978: фото 31]. Расположение ленты таково, что нет твердых оснований, что лента обматывала голову погребенного, вполне возможно, она была нашта на головной убор, т. е. служила украшением меховой или войлочной шапки (рис. 5).

В отчете Е. В. Цуцкина приводился перевод надписи на ленте как «Владыка миров». В 2018 г. одновременно в трех изданиях была опубликована одна та же статья И. Шингирей — под разными названиями, но с одним и тем же содержанием, посвященная данному погребению как истинно мусульманскому [Shingiray 2018a; Shingiray 2018б; Shingiray 2018в]. Прежде всего, была опубликована новая версия перевода надписи на ленте, которая была сделана по фотографии, где была видна только часть изделия. Переведены были только те буквы, которые были видны на фото. Привлеченные И. Шингирей специалисты считают: вышитая надпись является повторяющейся формулой, состоящей из одной неразборчивой буквы, за которой следует арабское слово *аль-алим* ‘мудрый’, ‘ученый’, ‘знающий’ [Shingiray 2018a: 201–206]². Это выражение часто использовалось в сочетании с именем султана или эмира, т. е. было атрибутом королевского статуса.

Сама лента определена специалистами как тираз — текстиль с вышитой на нем эпиграфической надписью из арабских букв, содержащей королевский титул и выполненной в стиле, позволяющем говорить о его возможном мамлюкском происхождении [Shingiray 2018a; Shingiray 2018б; Shingiray 2018в]. Все три статьи одинаковы по своим основным тезисам и во всех повторях этой статьи утверждается тезис, что, несмотря на то, что все черты погребального обряда противоречат исламскому погреб-

альному обряду, все же погребенного можно рассматривать как представителя исконного ислама «“Indigenised” Islam» [Shingiray 2018б] или же как исламизирующееся тело «An Islamicate Body» [Shingiray 2018в].

С учетом вышеприведенного сюжета о вторичном использовании шелковых одежд с чужеродной семантикой для одеяний священников православной церкви в XVII–XIX вв., для интерпретации этого погребения как мусульманского все-таки недостаточно аргументов. Во-первых, меридиональная ориентация и конструкция могилы с подбоем в восточной стороне, ориентировка погребенного головой на север, соответствует полностью погребальному обряду этнических монголов. Многочисленный инвентарь также свидетельствует в пользу языческих воззрений погребенного и его родных, проводших похороны по своим обычаям. Позвонки овцы, положенные под поясницу погребенного, являются также одним из этноопределяющих признаков монгольского погребального обряда [Кичиков, Цуцкин 1997: 63–79].

Таким образом, «истинно исламской» остается только шелковая лента с вышитыми арабскими буквами. Этот необычный предмет выглядит в типичном кочевническом погребении воина, совершенного по языческому обычаю, как чисто случайное явление. Расположение ленты на некотором расстоянии от черепа можно понимать, что эта лента была не на голове погребенного, а на его головном уборе. Это, скорее всего, украшение мехового или войлочного головного убора. Для владельца тираза это была просто красивая лента с вышитым рисунком, которой местные мастерицы украсили его головной убор. И это еще один пример использования драгоценного шелкового изделия в качестве украшения, а не религиозного символа.

Тиразы датируются ранним средневековьем и распространены были широко в арабском мире. При Фатимидском халифе аль-Муиззе (953–975 гг.) халиф награждал достойных подданных почетными одеяниями с тиразами. Ленты с искусно вышитой эпиграфикой подтверждали верность халифу и Богу. В Фатимидском Египте шелковые одежды, расшитые золотыми тиразовыми лентами, предназначались для визирей и других высокопоставленных чиновников, в

¹ В полевом отчете не упоминается цвет ткани, но один из авторов статьи (М. А. Очир-Горяева) зачищала и зачерчивала это погребение и хорошо помнит, что ткань имела черный цвет.

² Translation: Doris Behrens-Abouseif and Sheila S. Blair.

Рис. 5. Большой Царын-1а: курган 2 [Цуцкин 1978]

[Fig 5. Bolshoi Tsaryn-1a: mound 2]

то время как широкая публика носила льняную одежду. В конце XII в. политическая ситуация изменилась, и некоторые дворяне потеряли свое богатство, они продавали свои роскошные одежды на рынках. Тиразы также служили валютой или инвестициями и продавались и перепродавались. Позднее только в Мамлюкском султанате на территории современного Египта сохранилось производство тираз [Ekhtiar, Cohen 2000].

Каким путем эта шелковая лента попала к монголу, проживавшему в степях Сарпинской низменности, можно только гадать. Была ли она, как полагает И. Шингерей, дипломатическим даром, присланным из Мамлюкского Султаната высшим слоям Золотой Орды, или она был просто еще одним трофеем, попавшим в нижневолжские степи чисто случайно. Тем более с конца XII в. тиразы были в обороте у торговцев и перекупщиков. Факт остается, что мужчина из кургана 3 группы *Большой Царын* был погребен по монгольскому обычаю, все предметы, положенные в могилу, были обычными предметами воина и кочевника.

Погребения с изделиями из шелка представляют собой в количественном отношении небольшую выборку. Тем не менее можно заметить некоторые закономерности погребального обряда. Насыпи двух курганов с захоронениями пожилых мужчин были выше и более крупного диаметра. Если курганы с погребением молодой женщины (*Ики-Зегиста*) и молодого мужчины (*Гува*) были высотой 0,30 и 0,40 см, диаметром 14 и 11 м соответственно, то насыпи пожилых мужчин (*Промзона* и *Большой Царын*) достигали высоты 0,70–0,90 см, диаметром 16 и 18 м. В размерах насыпей явно сыграло роль то, что социальный статус пожилых мужчин был явно более высоким.

В рассмотренных нами погребениях шелковые изделия относились исключительно к одежде и головным уборам. Погребенная молодая женщина из *Ики-Зегисты* была одета в шелковую шапочку, ее халат и внутренняя рубашка были также из шелка. В трех остальных погребениях, где были захоронены мужчины, были также зафиксированы фрагменты наплечной одежды, скорее всего, халата из шелка.

Наилучшей сохранностью и качеством отличался халат мужчины из *Промзоны*, ткань с узором в виде цветков лотоса была заткана золотыми нитями. Молодой мужчина из *Гувы* был также одет в шелковый халат, шелком были украшены также голенища сапог. Пожилой мужчина из курганной группы *Большой Царын* также был в шелковом халате, кроме того, шелковой лентой был украшен его головной убор.

Сами шелковые ткани из рассмотренных погребений были предметами далекого импорта и представляли большую ценность в те времена. Затканый золотой нитью шелк с узором в виде лотосов, с узором в виде хризантем и орлиных грифонов производства китайских мастерских, шелковая ткань с узором в виде медальонов с геральдически расположенными парами птиц у «дерева жизни» производства византийских мастерских. Лента из черного шелка могла быть вышита арабской вязью на территории современного Египта, но могла быть из любого из многочисленных центров арабского мира. Таким образом, можно сделать вывод, что люди, одетые в шелковые одежды, были представителями кочевой знати.

Среди погребений с шелком представлены погребения с широтной и меридиональной ориентировкой могил. В могилах с широтной ориентировкой погребенные были ориентированы головой в одном

случае на запад (мужчина из курганной группы *Промзона*) в другом случае — на восток (женщина из курганной группы *Ики-Зегиста*). Два остальных погребения имели меридионально-ориентированные могилы, оба мужчины из *Гувы* и *Большого Царына* были положены головой на север. В этническом отношении, по признакам погребального обряда одни из них были тюркского, а другие — монгольского происхождения.

Заключение

Останки одежды из шелка или другого текстиля были найдены в ряде других погребений, но в большинстве своем фрагменты текстиля были плохой сохранности, поэтому они не были взяты на специализированный анализ. В связи с этим нет возможности оценить процент погребений, где умершие были погребены в шелковых одеждах. Надо полагать, что явно не каждый кочевник мог позволить себе одежду, сшитую из импортной дорогостоящей ткани.

Несомненно, шелковые одежды, хоть и сшитые из кусочков или переделанные, то есть вторичного использования, являются ценными источниками по культуре степных кочевников эпохи Золотой Орды. В более углубленном изучении нуждаются не только шелковые изделия, но и сами археологические памятники, из которых они происходят.

Литература

- Авраменко 2017 — Авраменко Е. Эрмитаж представил моду, неподвластную времени. «Энциклопедия текстиля» демонстрирует лучшие экземпляры из собрания музея // Известия. Культура. 23 августа 2017 г. URL: <https://iz.ru/634036/evgenii-avramenko/ermitazh-predstavil-sobranie-tkanei> (дата обращения: 10.08.2021).
- Бембеева, Очир-Горяева 2021 — Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А. Археологические погребальные памятники волго-маньчских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-1-17-8-53
- Блохин, Яворская 2006 — Блохин В. Г., Яворская Л. В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2006. 270 с.
- Буратаев 2021 — Буратаев Е. Г. Погребения периода Золотой Орды Волго-маньчских степей // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 83–106.
- Доде 2014 — Доде З. В. Ткань с христианской символикой в костюме золотоордынской элиты // Российская археология. 2014. № 1. С. 54–66.
- Доде 2006 — Доде З. В. Одежды и шелка из могильника Вербовый лог // Власкин М. В., Гармашов А. И., Доде З. В., Науменко С. А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. Памятники исторической мысли. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 77–187.
- Гаврилина, Надбитова 2006 — Гаврилина Л. М., Надбитова Д. Д. Золотоордынские погребения могильника *Ики-Зегиста* // Вестник

- института. Элиста: КИГИ РАН, 2006. С. 173–194.
- Елкина 2009 — *Елкина А. В.* Экспертное заключение. Археологическая ткань. Византийский узорный шелк XII в. Ткань-парча. Китай. XIV в. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 105а (2009 г.). 14 л.
- Кичиков, Цуцкин, 1997 — *Кичиков А. Ш., Цуцкин Е. В.* Археологические параллели некоторых мотивов эпоса «Джангар» // Проблемы современного джангароведения: материалы Респ. науч.-практ. конф., посв. 75-летию проф. А. Ш. Кичикова. Кн. 1. Элиста: Изд-во КГУ, 1997. С. 63–79.
- Кольцов, Кольцова, Верещагин 2018 — *Кольцов П. М., Кольцова К. П., Верещагин В. В.* Родовые могильники кочевников Золотой Орды на территории Калмыкии // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: мат-лы VIII Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 73–88.
- Мысков 2015 — *Мысков Е. П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Очир-Горяева, Лапа 2002 — *Очир-Горяева М. А., Лапа Н. Л.* Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого республиканского краеведческого музея // Вестник древней истории. 2002. № 3. С. 179–191.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Волго-Манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2017 — *Очир-Горяева М. А.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН. 2017. 420 с.
- Петров 2014 — *Петров А. С.* Ткань с шитым образом Вознесения из погребения кочевника в Калмыкии. Проблема атрибуции // Российская археология. 2014. № 1. С. 67–74.
- Санджиев 1960 — *Санджиев Б. С.* Племена, обитающие в степях Дешиг-и-Кыпчака и на территории нынешней Калмыкии в 11–12 вв. // Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1960. С. 85–114.
- Серегин 2016 — *Серегин Н. Н.* Погребальные сооружения тюрок Монголии (2-я половина I тыс. н. э.) // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 1(13). 2016. С. 91–110.
- Федоров-Давыдов 1966 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (Археологические памятники). М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 272 с.
- Фёдоров-Давыдов 1981 — *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Монгольское завоевание и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР / отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 229–236.
- Федоров-Давыдов 1994 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.
- Эрмитажная энциклопедия 2017 — Эрмитажная энциклопедия текстиля: Реставрация: каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. 388 с.
- Юрченко 2013 — *Юрченко А. Г.* Элита монгольской империи: время праздников время казней. СПб.: Евразия, 2013. 432 с.
- Цуцкин 1978 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе Сарпинской археологической экспедиции Калмыцкого НИИЯЛИ и КГУ в 1977 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 8 (1978 г.). 41 л.
- Цуцкин 1979 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе Калмыцко-Астраханской экспедиции КНИИФЭ и КГУ в 1978 г. // Архив ИА РАН, Р-1 19827; Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 14. 171 л. 1979 г.
- Якимов и др. 2007 — *Якимов А. С., Демкин В. А., Алексеев А. О.* Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII–XIV вв. н. э.). М.: НИА-Природа, Фонд «Инфосфера». 2007. 228 с.
- Ekhtiar, Cohen 2000 — *Ekhtiar M., Cohen J.* Tiraz: Inscribed Textiles from the Early Islamic Period. In: Heilbrunn Timeline of Art History. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2000 (July 2015). URL: http://www.metmuseum.org/toah/hd/tira/hd_tira.htm (дата обращения: 10.08.2021).
- Cugunov, Parzinger, Nagler 2010 — *Cugunov K., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstengraben Arzan 2 in Tuva. Archaeologie in Eurasien. Band 26. Steppenvölker Eurasiens. Band 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 2010. 330 с.
- Ochir-Goryaeva 2002 — *Ochir-Goryaeva M.* Ein sarmatisches Grab bei Jashkul, Kalmückien // Eurasia Antiqua. 2002. Vol. 8. S. 353–387.
- Shingiray 2018a — *Shingiray I.* “The Wise”, “the Learned”, “the Knowledge able”:

- A Mamluk (?) Tiraz from the Grave of a Golden Horde Steppe Warrior (Kalmykia, Russia) // VIII Международная научная конференция «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященная памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Археология евразийских степей. № 4. 2018. С. 201–206.
- Shingiray 2018б — *Shingiray I.* An Islamicate Body: A Case Study of a Nomadic Burial from the Core Territory of the Golden Horde [электронный ресурс] // *La Horde d'Or et l'islamisation des steppes eurasiatiques. Indigenous Islam: RMMM (Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée).* Vol. 143. 2018 (October). URL: <https://journals.openedition.org/remmm/10777> (дата обращения: 10.08.2021).
- Shingiray 2018в — *Shingiray I.* 'Nomadic Islam' in the Golden Horde Steppe: a Case-Study of a Burial from Bolshoi Tsaryn, Kalmykia // *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск: КЧГУ, 2018. С. 516–518.*
- 2015). Available at: http://www.metmuseum.org/toah/hd/tira/hd_tira.htm (accessed: August 10, 2021). (In Eng.)
- Elkina A. V. Expert Report on Archaeological Fabric (Byzantine figured silk, 12th c. AD. Chinese brocade, 14th c. AD). At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Archive. 2009. (In Russ.)
- Fedorov-Davydov G. A. Golden Horde Cities of the Volga. Moscow: Moscow State University, 1994. 228 p. (In Russ.)
- Fedorov-Davydov G. A. Mongol conquest and Golden Horde. In: Pletneva S. A. (ed.) *Medieval Steppes of Eurasia. Ser. 'Archaeology of the USSR'.* Moscow: Nauka, 1981. Pp. 229–236. (In Russ.)
- Fedorov-Davydov G. A. Nomads of Eastern Europe under Golden Horde Khans: Archaeological Sites Reviewed. Moscow: Moscow State University, 1966. 272 p. (In Russ.)
- Gavrilina L. M., Nadbitova D. D. Golden Horde graves of Iki-Zegista burial site. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). 2006. Vol. 20. Pp. 194–204. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh., Tsutskin E. V. Jangar epic: Archaeological parallels of some motifs. In: *Problems of Contemporary Jangar Studies. Jubilee conference proceedings. Vol. 1.* Elista: Kalmyk State University, 1997. Pp. 63–79. (In Russ.)
- Koltsov P. M., Koltsova K. P., Vereshchagin V. V. Patrimonial burial grounds of nomads of the Golden Horde in the territory of Kalmykia. *Archaeology of the Eurasian Steppes.* 2018. No. 4. Pp. 73–88. (In Russ.)
- Myskov E. P. Volga-Don Nomads of the Golden Horde Era. Volgograd: RANEPa (Volgograd Branch), 2015. 484 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Ancient Necropolises of the Ergeni Upland. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS). 2017. 420 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological Sites of the
- References**
- Avramenko E. Hermitage introduces timeless fashion. Encyclopedia of Textiles exhibits best samples from museum collection. *Izvestiya. Kultura.* August 23, 2017. Available at: <https://iz.ru/634036/evgenii-avramenko/ermitazh-predstavil-sobranie-tkanei> (accessed: August 10, 2021). (In Russ.)
- Bembееva L. A., Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological burial monuments of the Volga-Manych steppe: A review of excavations, 1998–2009. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 1. Pp. 8–53. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-1-17-8-53
- Blokhin V. G., Yavorskaya L. V. *Archaeology of Golden Horde Cities in the Lower Volga.* Volgograd: Volgograd State University, 2006. 270 p. (In Russ.)
- Burataev E. G. Golden Horde burials of the Volga-Manych steppe. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 2. Pp. 83–106. (In Russ.)
- Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. *Archaeologie in Eurasien.* Vol. 26. *Steppenvölker Eurasiens.* Vol. 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 p. (In Germ.)
- Dode Z. V. Fabrics with Christian symbols of the costume of the Golden Horde nobles. *Russian Archaeology.* 2014. No. 1. Pp. 54–66. (In Russ.)
- Dode Z. V. Garments and silk finds from Verbovyi Log burial site. In: Vlaskin M. V., Garmashov A. I., Dode Z. V., Naumenko S. A. *Golden Horde Noble Burials in the Don–Sal River System: Exploring Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus. Collected materials. Vol. VI: Monuments of Historical Thought.* Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2006. Pp. 77–187. (In Russ.)
- Ekhtiar M., Cohen J. Tiraz: Inscribed textiles from the early Islamic period. In: *Heilbrunn Timeline of Art History.* New York: The Metropolitan Museum of Art, 2000 (July

- Volga-Manych Steppes: A Compendium of Monuments Excavated in Kalmykia, 1929–1997. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A., Lapa N. L. Kalmykia Museum of Local History and Lore: One Sarmatian military burial ground reviewed. *Journal of Ancient History*. 2002. No. 3. Pp. 179–191. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. Ein sarmatisches Grab bei Jashkul, Kalmückien. *Eurasia Antiqua*. 2002. Vol. 8. Pp. 353–387. (In Germ.)
- Petrov A. S. The fabric with the embroidered image of the Ascension from the mound of a nomad in Kalmykia: Attribution problems. *Russian Archaeology*. 2014. No. 1. Pp. 67–74. (In Russ.)
- Sandzhiev B. S. Tribes of Desht-i Qipchaq and present-day Kalmykia, 11th–12th centuries AD. *Zap. KNIIYaLI*. 1960. No. 1. Pp. 85–114. (In Russ.)
- Seregin N. N. Funeral constructions of Turks in Mongolia (2nd half of I millennium AD). *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2016. Vol. 13. No. 1. Pp. 91–110. (In Russ.)
- Shingiray I. ‘Nomadic Islam’ in the Golden Horde steppe: A case study of a burial from Bolshoi Tsaryn, Kalmykia. In: Kochkarov U. Yu. (ed.) *The Caucasus as Part of Eurasia’s Cultural Network in Ancient and Medieval Periods*. Krupnov Readings in North Caucasian Archaeology. Karachayeysk: Karachay-Cherkess State University, 2018. Pp. 516–518. (In Eng.)
- Shingiray I. ‘The wise’, ‘the learned’, ‘the knowledgeable’: A Mamluk (?) tiraz from the grave of a Golden Horde steppe warrior (Kalmykia, Russia). *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2018. No. 4. Pp. 201–206. (In Eng.)
- Shingiray I. An Islamicate body: A case study of a nomadic burial from the core territory of the Golden Horde. *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*. 2018, October. Vol. 143 (La Horde d’Or et l’islamisation des steppes eurasiatiques). Available at: <https://journals.openedition.org/remmm/10777> (accessed: August 10, 2021). (In Eng.)
- The State Hermitage Museum Encyclopedia of Textiles: Restoration. Exhibition catalogue. St. Petersburg: State Hermitage Museum, 2017. 388 p. (In Russ.)
- Tsutskin E. V. Kalmykia-Astrakhan Expedition of Kalmyk History, Philology and Economics Research Institute – and Kalmyk State University: 1978 Activity Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Archive. Coll. P-1. File 19827; Kalmyk Scientific Center (RAS), Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 14. 1979. (In Russ.)
- Tsutskin E. V. Sarpa Archaeological Expedition of Kalmyk Language, Literature and History Research Institute – and Kalmyk State University: 1977 Activity Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 8. 1978. (In Russ.)
- Yakimov A. S., Demkin V. A., Alekseev A. O. *Natural Conditions of Medieval Lower Volga Steppes, 8th–14th Centuries AD*. Moscow: NIA-Priroda, Infosfera, 2007. 228 p. (In Russ.)
- Yurchenko A. G. *Elites of the Mongol Empire: Times of Holidays, Times of Executions*. St. Petersburg: Evraziya, 2013. 432 p. (In Russ.)